

ТЕМА НАДЕЖДЫ В «ЗАПИСКАХ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И ПОВЕСТИ Г. ГЕРЛИНГА-ГРУДЗИНСКОГО «ИНОЙ МИР»

А. И. Сабитова

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

Поступила в редакцию 21 октября 2015 г.

Аннотация: в статье исследуется влияние Ф. М. Достоевского на творчество польского писателя Густава Герлинга-Грудзинского, в частности, анализируется своеобразие воплощения темы надежды в «Записках из Мертвого дома» и повести «Иной мир».

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Г. Г.-Грудзинский, каторга, лагерь, надежда, свобода.

Abstract: the article presents research into the influence of F. M. Dostoyevsky's literary works on the works of the Polish classical author Gustaw Herling-Grudziński. In particular, the article analyzes the peculiar representation of the theme of hope in «Notes from the Dead House» and «A world apart».

Key-words: F. M. Dostoyevsky, G. G.-Grudzinskiy, penal servitude, camp, hope, freedom.

Произведения Ф. М. Достоевского значительно повлияли на жизнь и творчество польского писателя XX века Густава Герлинга-Грудзинского. Повесть Герлинга-Грудзинского «Белая ночь любви» переключается с повестью Достоевского «Белые ночи», а повесть «Иной мир» – с «Записками из Мертвого дома». Сходство двух последних произведений подтверждается эпиграфами, цитатами, прямыми авторскими свидетельствами.

По мнению польского ученого Т. Сухарского, связи Г. Грудзинского и Достоевского можно проследить на нескольких уровнях – биографическом, творческом и метафизическом. Показательными в этом отношении являются каторжные произведения обоих авторов, которые, как считает В.В. Борисова, могут быть сопоставлены и в национально-культурном аспекте [1; 36]. В данном же случае мы рассмотрим идейную трактовку темы надежды у русского и польского писателя. Оказавшись в ситуации «человека без Бога, как сказал бы Достоевский, или без абсолютных истин, как выразился бы Грудзинский» [2; 4], они не лишили себя надежды.

«С самого первого дня моей жизни в остроге я уже начал мечтать о свободе... Не знаю, думали ль, рассчитывали ль каторжные так же, как я, но удивительное легкомыслие их надежд поразило меня» [3; 294].

Состояние героев Г.-Грудзинского, на первый взгляд, противоположно душевным переживаниям каторжников XIX века: «Эх, надоела жизнь»... В других странах и при других обстоятельствах место этого короткого возгласа отчаяния занимает настоящая молитва... человек, лишенный всего, кроме надежды, начинает день, обращая свои первые мысли и мольбы к ней. Но как могли это делать люди, у которых отняли даже надежду?» [4].

Польский писатель, как и Достоевский, показывает разное отношение каторжан к жизни в заключении. Простым людям было легче: «Они относились к этой жизни как к самому дну своего и раньше-то нелегкого существования и с каким-то сердечным смирением ждали награды за то, что терпеливо сносят страдания» [4]. Образованные же гулаговцы зачастую, «если им не удавалось вооружиться хотя бы каплей цинизма, отдавались во власть воспоминаний» [4].

Оторванные от народа каторжники-дворяне в произведении Достоевского, остро переживая свою обособленность, раньше других теряют надежду. Положение автора «Записок из Мертвого дома» на каторге осложняется отношениями с товарищами, которые ненавидят его за дворянское происхождение. Характерно, что это объединяет его именно с поляками:

«– Скажите, пожалуйста, – продолжал я расспрашивать поляка, – они смотрят, как будто завидуют за... чай. Что это значит?

– Это не за чай, – отвечал поляк. – Они злятся на вас за то, что вы... на них не похожи.... Здесь ужасно тяжело для всех нас. Нам всех тяжелее во всех отношениях. Нужно много равнодушия, чтоб к этому привыкнуть» [4].

Подтверждением этих слов является описание трагической судьбы поляка Острожского: «Он говорил так ласково, так разумно, так занимательно рассказывал, так добродушно и честно смотрел. С тех пор я не видал его года два... и вдруг его ввели к нам в палату как сумасшедшего» [4].

Своеобразие воплощения темы надежды в обоих произведениях тесно связано с отношением героев к реальности. Каторжане не принимают настоящее за действительность: «Надежда заключенного, лишенного свободы, – совершенно другого рода, чем насто-

ющим образом живущего человека. Свободный человек, конечно, надеется... но он живет, он действует; настоящая жизнь увлекает его своим круговоротом вполне... Тут, положим, тоже жизнь – острожная, каторжная; но кто бы ни был каторжник и на какой бы срок он ни был сослан, он решительно, инстинктивно не может принять свою судьбу за что-то положительное, окончательное», – пишет Достоевский [3; 294].

В «Ином мире» заключенные также четко разделяют возможное и невозможное, мечты и действительность: «Разжигать надежду значило подвергать себя страшной опасности разочарования» [4].

Надежда героев «Записок...» подпитывается возможностью переживания свободы хотя бы как ее иллюзии. Ее воплощение они находят в работе. Каждый из арестантов владеет каким-либо ремеслом, трудится и этим зарабатывает, несмотря на то, что иметь при себе деньги и инструменты запрещалось. Свобода проявляется и в выборе занятия, и в ее добровольном характере – обязательная же работа страшна не потому, что тяжела и невыполнима, а именно из-за принуждения к ней. Кроме того, благодаря деньгам, владея и распоряжаясь ими, арестант тоже обретает определенную независимость.

И. Серман отмечает: «Книга Достоевского о каторге – это книга о свободе, как о неотъемлемом стремлении русского человека, как о его исторически сложившейся и выстраданной природе» [5; 141]. Значение свободы для русских подчеркивает и Герлинг-Грудзинский: «Слово «свобода» в России не произносится всуе» [4]. В его «Ином мире» воплощением свободы также становится сверхурочная работа, которая позволяет заключенным почувствовать себя независимыми: «Тот факт, что наш рабочий день выходил за всякие установленные рамки, давал нам право на то, чтоб нас просили поработать лишнее... они (арестанты) считают почти привилегией негласное право освятить безграничную эксплуатацию рабского труда актом своего согласия на нее» [4].

Грудзинский прямо обращается к «Запискам...»: «Я словно слышу Достоевского: «Весь смысл слова «арестант» означает человека без воли. У нас не было денег, но были остатки сил, и ими мы платили за спасение самых скромных внешних признаков человечности» [4].

«Записки из Мертвого дома» оказали большое влияние на философские взгляды героя-рассказчика «Иного мира», стали для него настоящим потрясением: «С того момента, как я прочитал несколько первых страниц Достоевского, и до того, когда во второй и последний раз закрыл книгу... я жил в состоянии асфиксии, напоминая пробуждение от долгого смертельного сна...» [4].

Герой повести Грудзинского делает вывод о непрерывности времени, у него возникает чувство, будто не было перерыва между жизнью каторжан Достоевского и его судьбой. Соллагерницу рассказчика Наталью

Львовну также поражает эта мысль. Она находит в книге русского писателя алогичный для нормально человека путь спасения, луч надежды: «Всегда есть место для надежды, когда жизнь оказывается такой безнадежной, что внезапно становится исключительно нашей собственностью» [4]. Поскольку все, что происходит с ними, уже было, то и смерть представляется событием уже случившимся: «Мы умерли давным-давно, только боимся в этом признаться» [4].

Оба героя приходят после прочтения книги Достоевского к мысли об освобождении через самоубийство. Мысли героев «Иного мира» о том, что кто-то уже испытывал такие же страдания, вызывают у них чувство обреченности. Горянчиков же осознает исключительную неожиданность своего существования. При этом надежда на освобождение у него не пропадает, с первых дней заключения он мечтает о свободе. Его вера, как и мечты других каторжников, не нуждается в логических обоснованиях.

Надежда, питающая заключенных, напрямую связана с их отношением к жизни. В «Записках...» герой воспринимает свою судьбу как уникальную. В «Ином мире» герои, чувствуя бесконечную связь времен и поколений, приходят к мысли о бессмысленности ожидания свободы.

В произведении русского писателя все заключенные воспринимают ее как благо: «Цель у всех наших была свобода и выход из каторги» [3; 438]. В «Ином мире» же представлены герои, для которых воля затруднительна, заключение в итоге лучше свободы. Таковыми являются малолетние преступники: «Эти ребята приучились относиться к тюрьме как к чему-то вроде пионерского лагеря и, не чинясь, используют эту передышку после утомительной жизни на свободе» [4]. Легко переносят лишение свободы и заключенные тюрьмы «Интурист» в Ленинграде, по коридору которой рассказчику довелось пройти во время этапа: «Мой собеседник вовсе не жаловался на отсутствие свободы. Ему хорошо и удобно», – говорит один из них. Себя и своих товарищей он называет «полноправными гражданами Советского Союза» [4], поскольку их приговорили к сроку, не превышающему полутора лет. Это спокойное отношение к лишению свободы проявляется у тех, кто не привык приносить пользу обществу на свободе, зато может принести выгоду тюремным властям и себе. Так, автор характеризует беспризорников как «подлинных «пролетов», не отягощенных первородным грехом контрреволюции, «глину, из которой можно вылепить что угодно» [4]. Высокий уровень условий жизни заключенных «Интуриста» связан с разрядом преступлений: «Сталин по собственному опыту знает, что, создавая в тюрьмах человеческие условия, можно пробудить дух смирения только в «бытовиках»... Чем лучше, с материальной точки зрения, чувствует себя «политический» в тюрьме, тем острее тоскует он по воле, тем резче бунтует против власти» [4].

Свободу заключенные видят также в одиночестве: «Оно было единственной заменой свободы – заменой, за которую в минуты полной расслабленности платили облегчающим и почти физически болезненным плачем», – пишет Грудзинский [4]. То, о чем думает каждый, одновременно вызывает и боль, и успокоение. Об одиночестве мечтает и автор «Записок...»: «Я бы никогда не мог представить себе: что страшного и мучительного в том, что я во все десять лет моей каторги ни разу, ни одной минуты не буду один?» [3; 213]

Потеря надежды для заключенных в «Записках...» и «Ином мире» оборачивается мученичеством. «Так как совершенно без надежды жить невозможно, то он и выдумал себе исход в добровольном, почти искусственном мученичестве», – говорится об одном из обитателей Мертвого дома [3; 438]. Эту фразу Грудзинский использовал в качестве эпиграфа к главе «Рука в огне», в которой повествуется о Михаиле Костылеве. За короткое время он стал близким другом рассказчика. Костылев тайком регулярно жег руку над огнем, не желая работать в лагере.

Мученичество в этом случае является формой протеста. К добровольным страданиям зачастую примешивается одиночество: «Люди, побежденные в борьбе за то, во что они верят, охотно принимают мученичество как горькую награду своему одиночеству» [4]. Его испытывает и сам рассказчик. Отчаявшись, перестав надеяться на то, что амнистия польским заключенным коснется и его, герой объявляет голодовку. Из-за этого между ним и остальными заключенными вырастает стена: «Я был один, пугающе один» [4]. Причиной отчуждения становится страх наказания за общение с бунтующим. Кроме того, сокамерники подспудно желали, чтобы бунт пресекли, а требования голодающих не удовлетворили: «В безвыходном положении, несмотря ни на что, лучше сознавать, что от судьбы не уйдешь и исключений нет». Чужая радость убивала бы их надежду. При этом между рассказчиком и остальными голодающими поляками также нет доверия: «Мы... напряженно ждали, кто первый не выдержит или предаст».

Таким образом, одиночество является не только выражением надежды на свободу, но и результатом ее потери. О голодовке поляков в «Ином мире» говорится в главе «Мученичество за веру», названием к которой также послужила цитата из произведения Достоевского. Грудзинский вводит ее в знаменательный диалог:

«– Знаешь, кто сидит в изоляторе?»

Институт филологического образования и межкультурных коммуникаций Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы

Сабитова А. И., аспирант

E-mail: ajgul.sabitowa@gmail.com

– Ну?
– Три монахини, за сатану.
– Все еще? И чего они хотят?
– Мученичество за веру, – ответил я не задумываясь, даже не осознав тогда, что заимствую это определение у Достоевского.

– Как и мы, – сказал он.
– Не преувеличивай, мы только на волю выйти хотим, – отплатил я ему с облегчением и тут же постучал в другую стену».

Обращение к произведению русского классика соседствует со свидетельством силы и чувства юмора рассказчика:

«– Горбатов, передай трем монашкам привет от голодающих поляков» [4].

Таким образом, тема надежды является общей для «Записок из Мертвого дома» Достоевского и «Иного мира» Г.-Грудзинского. Многие из произведений польского писателя восходят к книге Достоевского. Это обращение одного классика к творчеству другого имеет большое историческое значение. В предисловии к «Иному миру» Г.-Грудзинский пишет: «Если что-то может сблизить поляков с русскими, то именно разговор вслух о причиненных обидах и сознание общего страдания. Это-то общее страдание <...> лежит у истоков «Иного мира». Из общего страдания вырастает общая надежда» [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова В. В. О национально-религиозных аспектах «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского / В. В. Борисова // Достоевский и современность. Материалы IX Международных Старорусских чтений. – Великий Новгород, 1995. – С. 39–45.
2. Sucharski Tadeusz. Dostojewski Herlinga-Grudzińskiego / Tadeusz Sucharski. – Люблин, 2002. – 192 с.
3. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989–1996. – Т. 3.
4. Герлинг-Грудзинский Г. Иной Мир. Советские записки / Г. Герлинг-Грудзинский. – Режим доступа: http://lib.ru/MEMUARY/GRUDZINSKIJ/inoj_mir.txt
5. Серман И. Тема народности в «Записках из мертвого дома» / И. Серман // Dostoevsky studies. – 1982. Vol.3. – С. 102–144.
6. Баранов А. И. Достоевский и польская литература до 1918 года: автореферат дис. ... докт. филол. наук / А. И. Баранов. – М., 2001. – 290 с.
7. Мальцев Л. А. Притча о страдающем человеке / Л. А. Мальцев. – Калининград, 2011. – С. 223–224.

Baszkirsky Pedagogical University of Akmully

Sabitova A. I., Post-graduate Student

E-mail: ajgul.sabitowa@gmail.com